

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 94(=16)(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/56/12

П.Е. Бардина, М.П. Чёрная, Д.Ю. Рыбаков

ПОЛЯКИ И ИХ ПОТОМКИ НА ТОМСКОЙ ЗЕМЛЕ

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Поляки с момента основания Томска связаны с его историей. Их вклад в развитие томской земли, как и Сибири в целом, нашел отражение в письменных и археологических источниках. Полевые этнографические материалы, собранные в томских селениях, рассказывают о потомках поляков, сохранивших, несмотря на утрату языка и культурно-бытовых особенностей, память о своих предках и самосознание, иногда символическое. В судьбах конкретных национально-смешанных семей отразилась общность исторических судеб Польши и Сибири и участие «сибирских поляков» в истории освоения края.

Ключевые слова: поляки; Западная Сибирь; Томская область; археологические; этнографические материалы.

История появления и жизни поляков на Томской земле насчитывает более четырех столетий. С начала своего существования Томск был включен в процессы европеизации страны и развития культурных связей Сибири с Западом.

В общем потоке «внешних иноземцев», так в XVII в. называли иностранных иммигрантов, традиционно и устойчиво преобладали выходцы из Речи Посполитой, приоритет которых в миграции определяло, с одной стороны, славянское родство, с другой – стремление московского правительства расширить нобилитет собственной страны за счет шляхтичей-иммигрантов. Их попадание именно в служилое сословие было обусловлено наличием военного опыта и относительно хорошей грамотности, что давало возможность сделать в Сибири карьеру, попасть в начальствующий состав служилых людей и в воеводский бюрократический аппарат.

Томск находился на втором после Tobольска месте в Сибири по числу служилых иноземцев. Имена и деяния некоторых из них история сохранила. Томский сын боярский Остафий Михалевский в 1618 г. строил Кузнецкий острог, куда он был назначен первым воеводой. Довольно высокое социальное положение и связи с верхним воеводским эшелонами власти имел сын боярский Петр Сабанский, который с 1625 г. служил в Томске. Умея читать и писать, зная не один язык, он стал одним из самых активных русских дипломатов в переговорах с калмыцкими и киргизскими князьями, ходил военными походами в верховья реки Бии, а в 1633 г. – к берегам Телецкого озера, в 1540 г. приискал удобное место для острога и пашни на реке Сосновке, где впоследствии был основан Сосновский острог. С 1634 г. в Томске в должности сына боярского служил Юрий Тупальский (подлинное имя – Горий), который добровольно «отъехал» в 1629 г. к московскому государю. До службы в Томске он был воеводой в Галиче.

В начале 1630-х гг. в Томске появился Юрий Трапезундский. В 1658 г. он на новом «угожем месте» – возле рек Чулыма и Кангалы – заново отстроил Ачинский острог. В 1660-х гг. в звании сына боярского служил в Томске «взятый в бою» выходец из польских земель Пётр Иванов – получивший это имя после крещения. Пётр, женившийся на русской, стал основателем большого клана томских служилых людей Жуковских. Его сыновья участвовали в снятии осады с Кузнецка, обложенного многотысячным отрядом калмыков, а также в организации в Каштакском остроге производства серебра – одном из первых сереброплавильных заводов в Западной Сибири. Деревни Жуковка (1690 г.) и Маркеловка (1702 г.) в Томской области основаны этой фамилией. Сын боярский Юрий Соболевский, служивший в Томске в 1670–1680-х гг., вошел в историю Сибири XVII в. как основатель в 1684 г. Уртамского острога. Отметились на службе в Томске поляки Остафий Сваровский, положивший начало селу Богородское в Томской области, и Левонтий Ставский, который привез в Томск в 1680 г. царскую грамоту о принятии калмыцкого народа по просьбе его князей в «вечное» подданство России. Выходцы из Речи Посполитой участвовали также в промышленном освоении края. Зачастую уже во втором поколении «иноземцы» становились полноценными местными жителями [1. С. 39, 72, 73, 177–181, 188; 2. С. 125–129; 3. С. 53; 4. С. 24–32; 5. С. 285–294].

Проникновение в XVII в. западных веяний в Сибирь, в том числе из Речи Посполитой, нашло и археологическое отражение: в разнообразных элементах интерьера (например, печи особой конструкции и изразцы, которыми они были облицованы), деталях костюма (аксессуары, высококаблучная обувь), предметах быта (стеклянная посуда). Встречаются как аутентичные изделия европейского производства, так и их переработанные версии, получившие местную прописку и но-

вый культурный контекст. Археологические исследования документируют процесс вживления в собственную культуру творчески переработанных образцов, идей, стиля западной культуры. Один из наиболее значимых импульсов шел из Речи Посполитой и доходил до томской земли вместе с выходцами оттуда, которые обрели здесь новое место службы, а многие из них и новую родину [6. С. 201; 7].

На протяжении XVIII–XIX вв., как и в предыдущее столетие, миграция поляков в Сибирь имела и вольный, и насильственный характер. С 1864 по 1914 г. в Сибирь переселилось 3 687 тыс. чел. [2; 8. С. 125]. Особенно много было сослано поляков после восстания в Польше в 1863 г. Среди переселенцев преобладали (80,9 %) выходцы из южной России [3; 9. С. 23]. В Томскую губернию за эти годы переселились выходцы из Курской, Тамбовской, Орловской, Тульской, Рязанской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Воронежской и других губерний [10. С. 84]. Кроме русских в числе переселенцев были украинцы, белорусы, поляки, латыши и другие народы, внесшие свою лепту в формирование современного облика сибиряка.

По переписи 2010 г. в Томской области числится 750 чел., назвавших себя поляками. В 1959 г. числилось 3 065 поляков, а в 1989 г. – 1 732 человека называли себя поляками [11]. Однако, судя по полевым этнографическим сборам одного из авторов – П.Е. Бардиной, можно предположить, что потомков поляков на томской земле, особенно в сельской местности, гораздо больше. Во время этнографических экспедиций Музея г. Северска по пригородным томским селениям неоднократно приходилось встречаться с сельскими жителями, которые называли себя русскими, но при расспросах выяснялось, что их родители или деды, прадеды были белорусами, украинцами, поляками или из национально-смешанных семей.

В историографии 1990-х и 2000-х гг. наблюдается значительное усиление исследовательского интереса к польско-сибирской теме, включающей проблемы культурной адаптации польских мигрантов, процесса их осибирячивания, вхождения в структуры сибирского общества, трансформации идентичности, определения национальной принадлежности [12–18 и др.].

Трактовка национальной принадлежности тех, кого называли поляками, неоднозначна. По сведениям Т.А. Гончаровой, в Сибири в XIX в. «поляком» могли называть каждого, кто был причастен к польским восстаниям или являлся уроженцем западных губерний и Царства Польского [14. С. 45]. По нашим материалам поляком могли называть любого католика. В 1866 г. на территории только Нелюбинской волости Томского уезда численность поляков составляла 161 чел. (155 мужчин и 6 женщин). В с. Нелюбино числился 31 поляк, а в с. Губино – 19 чел. При этом в архивных документах были учтены лишь поляки-поселенцы, которые были под наблюдением [Там же. С. 45]. По Всероссийской переписи 1897 г. в Нижнем Притомье, в

Семилуженской, Нелюбинской, Спасской волостях, при численности населения более 30 тыс. чел., численность поляков составляла 389 чел., или 1,3% [14. С. 46–47]. По-видимому, потомки этих поляков проживали в томских селениях и позднее, иногда утратив свое этническое самосознание. Чаще всего поляки проживали совместно с переселенцами других национальностей – украинцами, белорусами, русскими. Однако бывали случаи обособления и создания преимущественно однопольских поселков. Так в пос. Владимирском, основанном в 1898 г., первоначально проживали русские, белорусы и поляки. Однако через несколько лет, примерно в 1900 г., поляки обособились и основали д. Польскую Малиновку. Она была основана выходцами из Витебской и Виленской губерний, семьями Войцеховских, Самардакевич, Кайровыми, Вороновскими и др. К числу польских поселков и хуторов в Нижнем Притомье Т.А. Гончарова относит также деревни Гродненку, Двухречье и хутора Лесотовские, Мунитские, Кислицкие, Манкевичевы, Котеловские. В пос. Двухречном даже был Римско-католический молитвенный дом. Поляки проживали также в деревнях Прутковке и Балаганах [14. С. 68, 70]. К числу селений, основанных поляками в Нижнем Притомье, исследователи относят поселки Андреевка и Ломовицкий Семилуженской волости, Кузовлево и Сухоречье [13. С. 252].

По материалам, собранным П.Е. Бардиной, в селениях Нижнего Притомья в конце XIX – первой половине XX в. был очень смешанный состав жителей, куда входили русские старожилы, старообрядцы, пореформенные переселенцы – русские, белорусы, украинцы, поляки, латыши и др. При сборе материалов основное внимание уделялось русскому старожильческому населению [19–21]. Однако нередко попадались интересные сведения о потомках поляков и переселенцев других национальностей. Многие старожилы называли д. Гродненку (или Датковку) польским селением, хотя в ней жили и русские, и латыши. В деревне было два кладбища – православное и католическое. Также в д. Кудровой, исчезнувшей при строительстве Томского нефтехимического комбината, жили русские старожилы, переселенцы, белорусы, поляки и было два кладбища – православное и католическое, которое так и называли – «польское». В Кудрово жили из потомков поляков Борташевич, Скутель, Зарековские, Рачковские. В пос. Самусь – Войцеховские.

В д. Малиновке, по отзывам местных жителей, «одни поляки жили». В д. Наумовке жили в основном русские переселенцы и старожилы, однако был один поляк Мусялов Осип. В Кижировском выселке (д. Кижирова), возникшем в конце XIX в., к началу XX в. жили старожилы и переселенцы «со всех концов империи, даже из далекой Варшавской губернии» [22. С. 57]. В с. Кузовлево у Е.Е. Дашкевич, 1906 г. р., родители были поляки, «привезли ее в пеленках из Польши», а при опросе себя называла русской [20]. В с. Старо-Копылово Герман Юзефа Андреевна, 1920 г. р., назвала себя полькой.

В с. Петропавловка, по отзыву старожилов, жил «разный народ, и хохлы, и русские, и поляки, и вятские переселенцы». Упоминаются поляки и в д. Покровке. Многие из этих селений в настоящее время исчезли, а жители переселились в крупные селения, как пос. Самусь, в г. Томск и Северск.

Многие из потомков переселенцев вспоминают рассказы предков, как ходили ходоками и выбирали место для переселения, что «ехали на вольные земли, при царе», когда разрешили ехать, давали ссуды на обустройство, что в Сибири якобы калачи на березах растут. По рассказам Мальвины Игнатьевны Еремкиной, 1900 г. р., она писалась и считала себя русской, предки были поляками. Она родилась в д. Силантьевке, родители приехали из «какой-то Волоковильской области». Сначала послали ходоков – два брата съездили в Сибирь, облюбовали место в тайге, затем переселились. В этой деревне было много поляков, даже больше, чем русских, и все переселились из одного места [23].

Иногда вырисовываются довольно сложные схемы смешанных браков, возможные, наверное, только в наших сибирских условиях, при совместном проживании народов многих национальностей. Так, у Н.Ф. Чиблиса, 1944 г. р., этнического поляка, родители переселились в пос. Самусь из с. Белосток Кривошеинского района, где «все село было из поляков», и его предки приехали туда «еще при царе» [23]. Сам он польский язык знает плохо, но пишется и считает себя поляком, мать была полячкой, одна бабушка была русской, а дед – литовцем. У Ф.Г. Нестеровой (Чащиной), 1925 года рождения, дед по отцу был русский из Вятки, а по матери – поляки: дед – Симонович Альфонс, мать – Мальвина Альфонсовна. Себя Ф.Г. Нестерова считает русской. По рассказам старожилов, в хозяйственных книгах сельских советов жителей, чаще всего даже без спроса, записывали русскими, а иногда, например, в деревнях Кудрово, Скутель, в одной книге был записан русским, в другой – поляком.

По многочисленным воспоминаниям, выходцы из разных мест жили между собой дружно, «ворота никогда не запирали», замков не было, «прутик воткнешь и уходишь по воду на речку, никто чужой не зайдет». Даже представители разных конфессий (православные и католики) благополучно уживались друг с другом. Например, в Гродненке, по рассказам, «русские свою Пасху справляли, а поляки – свою, в другое время». Были даже смешанные семьи, например, у П.В. Хрулева, 1913 г. р., русского православного, деды приехали в Сибирь из России, жил в д. Ольго-Сапеженке, жена была польская католичка Амалия Станиславовна Скирюха из Гродненки. Она ездила молиться в Томск в католический костел. А дома праздновали и ее католическую Пасху, и православную [23].

Этническое самосознание, по нашим материалам, в значительной степени зависело от окружения. Многие из рассказчиков называли и считали себя русскими, хотя по расспросам выяснялось, что предки, чаще всего

деды, были белорусами, украинцами или поляками. В этой связи интерес представляют факты сохранения этнического самосознания даже при полной или частичной утрате знаний своего языка и каких-либо культурно-бытовых отличий. Например, жительница пос. Самусь Жаркова (Янучик) Валентина Ивановна, 1926 г. р., как она сама сказала, «пишется в паспорте полькой, хотя ни слова по-польски не знает». Этим она старалась сохранить память о своем прадеде – Янучик Осипе, поляке, который приехал в Сибирь примерно в середине XIX в. Дед был Янучик Михаил Осипович, умер в 1937 г. в возрасте 97 лет, значит, примерно 1840 г. р. Его привезли в Сибирь родители. У деда было три сына: отец Валентины Ивановны – Иван, его брат Осип (погиб в Первой мировой войне) и еще один брат. Дед Михаил Осипович все умел: и кузнец, и смолу гнал, и сеялку, и щети (щетки для чесания льна) делал. На все руки мастер [23].

Отец и мать Валентины Ивановны 1906 г. р., отец был младшим в семье. Отец и дед по национальности были поляки, а мать – Юлия Петровна Соколова – латышка. И деды, и родители жили в д. Гродненке Таловского сельского совета Туганского района. И сама Валентина Ивановна там родилась. В этой деревне половина населения были русские, а половина – поляки. Существовали отдельные кладбища: через ручеек с одной стороны русское кладбище, а с другой – польское. «Раньше не называли католики, а говорили просто поляки. У нас с русскими праздники были в разное время: и Пасха, и Рождество у нас раньше по времени были. На кладбище в Гродненке похоронен дед Валентины Ивановны, а родители похоронены в Орловке. Туда переехали в 1946 г., после войны. В Гродненке сейчас ничего не осталось, только кладбище с крестами стоит». У отца Валентины Ивановны было 9 детей. Родственники живут по всей стране – в Орловке, Камышке, Северске, Павлодаре, г. Прохладном [23].

Сибирь и томская земля связаны с историей Польши не только мученическим путем ссыльных, но и участием поляков в развитии экономики и культуры в регионе. Вольно или невольно попавшие на томскую землю выходцы из Польши со временем обретали еще одну – региональную идентичность – томиши. У большинства из переселенцев – и поляков и других национальностей – остались родившиеся в Сибири потомки, часть которых ныне живут в городах и селениях Томской области. Это пра-правнуки тех энергичных, предприимчивых предков, которые не побоялись отправиться в далекую, неизвестную Сибирь ходоками, облюбовать новые земли, переселиться и обустроить хозяйство. Их потомки в Томске активно работают по сохранению и популяризации традиций поляков, организовав Национально-культурную автономию поляков «Томская Полония» и Центр польской культуры «Дом польский». Потомки, ставшие сибиряками, несомненно, должны знать о подвигах героических предков, сформировавших историю не только своей семьи, но и всей Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографии и родословных. Новосибирск : Наука, 1993. 250 с.
2. Резун Д.Я. Выходцы из стран Центральной и Западной Европы на русской казачьей службе в Сибири XVII в. // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология. Этнография. М. : [Б. и.], 1996. С. 125–129.
3. Ханевич В.А. Поляки в истории и культуре Томска // Мы – томики, ваши земляки, ваши соседи. Томск, 2000. С. 53–60.
4. Люцидарская А.А. Польские переселенцы в сельскохозяйственном освоении Томского уезда // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 24–32.
5. Чёрная М.П. Европейский компонент в культурном коде воеводской усадьбы Томска (вторая половина XVII – середина XVIII веков) // Польские сосильные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX веков в глазах российской администрации, российских переселенцев и коренных народов Сибири. Омск : Полиграфический центр КАН, 2015. С. 285–295.
6. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : Д'Принт, 2015. 276 с.
7. Чёрная М.П. Европейский компонент в этнокультурном диалоге сибирского сообщества: археолого-исторический контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 46–52.
8. Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М. : Наука, 1973. 190 с.
9. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л. : Наука, 1968. Т. 3.
10. Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск : Наука, 1981. 340 с.
11. Население Томской области. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 16.07.2018).
12. Сибирская старина: Краеведческий альманах. 1997. № 12 (17).
13. Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.
14. Гончарова Т.А. История Нижнего Притомья в контексте межнациональной коммуникации (XVII – начало XXI в.). Томск : Изд-во ТГУ, 2006. 226 с.
15. Kuczyński Antoni. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny polaków. Rys historyczny, antologia. Kraków : Kubajak, 2007. 544 s.
16. Кучинский А. Сибирь: 400 лет польской диаспоры. Ссылки, мученичество и заслуги поляков в освоении Сибири. Исторические очерки. Антология. М. : МИК, 2015. 736 с.
17. Польские сосильные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX веков в глазах российской администрации, российских переселенцев и коренных народов Сибири. Омск : Полиграфический центр КАН, 2015. 403 с.
18. Ольшески В. Историко-культурный контекст отношения поляков к жителям Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 80–85.
19. Бардина П.Е. Этнические традиции русских старожилов и пореформенных переселенцев в Западной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири Томск : Изд-во ТГУ, 1990. С. 198–200.
20. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск : Изд-во ТГУ, 1995. 224 с.
21. Бардина П.Е. Культурно-бытовые контакты русских старожилов и переселенцев в Западной Сибири // Материалы межрегионального совещания по проблемам развития культуры малочисленных народов Севера / Томск, 14–16 декабря 1994 г. Томск : Том. гос. ун-т, 1996. С. 102–115.
22. Бузанова В.А. Заселение и население Нижнего Притомья // Труды Музея г. Северска. Вып. 1. Музей и город. Томск : Изд-во ТГУ, 2000. С. 56–62.
23. Материалы этнографических экспедиций Музея г. Северска под рук. П.Е. Бардиной. 1994–2003 гг. // Фонды музея г. Северска.

Bardina Praskoviya E., Russia, Seversk, Museum of Seversk. (Seversk, Russia). E-mail: severskmus@mail.ru
 Chernaya Mariya P., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru
 Rybakov Dmitriy Yu. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dima0183@yandex.ru

THE DESCENDANTS OF THE POLES ON THE TOMSK LAND

Keywords: Poles; Western Siberia; Tomsk Region; archaeological and ethnographic materials.

History of the appearance and life of the Poles and their descendants in the Tomsk land in the XVII–XX centuries is considered on the basis of published written data, archaeological research and field ethnographic collections, and that is the article's purpose. Foreign immigrants or "external foreigners" were carriers and translators of Western ideas that penetrated into Russia during the Europeanization of the country. Immigrants from the Polish Lithuanian Commonwealth prevailed stable and traditionally in the migration flow; they were not only ethnic Poles, but also those who professed the Catholic faith, were called Poles. In Siberia, Poles also prevailed among the "foreigners", most of whom fell into the military service class. History has kept the names of Peter Sabansky, Yury Tupalsky, Yury Trapezunsky, Peter Zhukovsky, Yury Sobolevsky, Ostafiy Svarovsky, etc. Among those Poles who in the XVII century contributed to the development of the Tomsk land. "Foreigners" participating in the development of the region often became full-fledged local residents in the second generation, finding not only a new place of service, but also a new homeland.

The ethnographic study showed that a relatively small group of Poles lived in the Tomsk region, but in many suburban Tomsk villages the Poles descendants were much more numerous. The ancestors of the Poles, who came to Siberia at different times, most often lived together with immigrants of other nationalities that are Ukrainians, Belarusians, and Russians and partially mixed with the surrounding population. However, they often kept the memory of their ancestors, self-consciousness, sometimes a symbolic one, with the loss of language and everyday cultural features. There were also villages where Poles mostly lived, such as the Polish villages of Malinovka, Grodnenka, Prutkovka, Dvukhrehie, the farmsteads of Lesotovskie, Munitskie, Kislitskie, Mankevichevy, Kotelovskie. There was even a Roman Catholic house of worship in the village of Dvukhrehie. The settlements founded by Poles in the Low Tom river area include the villages of Andreevka and Lomovitskiy of the Semilugenskie volost, villages of Vladimirovskoe, Kuzovlevo and Sukhorechie. Unfortunately most of these villages have now disappeared. However, the descendants of Poles live in other, larger villages and in the city of Tomsk. The National-Cultural Autonomy of the Poles "Tomsk Polonia" and the Center of Polish Culture "Polish House" are actively working in Tomsk now. This undoubtedly, helps to preserve the ethnic identity and self-consciousness of the Poles. At the same time, the Polish immigrants who have voluntarily and involuntarily got on the Tomsk land, and their descendants over time found acquired another identity, that is a regional one – "Tomskians" (natives of Tomsk).

REFERENCES

1. Rezun, D.Ya. (1993) *Rodoslovnaya sibirskikh familiy: Istoriya Sibiri v biografii i rodoslovnnykh* [Genealogy of Siberian families: The history of Siberia in the biography and genealogy]. Novosibirsk: Nauka.

2. Rezun, D.Ya. (1996) Vykhodtsy iz stran Tsentral'noy i Zapadnoy Evropy na russkoy kazach'ey sluzhbe v Sibiri XVII v. [Immigrants from Central and Western Europe in the Russian Cossack service in Siberia of the 17th century]. In: Vyatkin, A. (ed.) *Gumanitarnaya nauka v Rossii: Sorosovskie laureaty: Istoriya. Arkheologiya. Kul'turnaya antropologiya. Etnografiya* [Humanities in Russia: Soros laureates: History. Archeology. Cultural anthropology. Ethnography]. Moscow: Mezhdunarodnyy nauchnyy fond. pp. 125–129.
3. Khanevich, V.A. (2000) Polyaki v istorii i kul'ture Tomska [Poles in the history and culture of Tomsk]. In: Lvova, E.L. (ed.) *My – tomichi, vashi zemlyaki, vashi sosed* [We are Tomsk residents, your countrymen, your neighbours]. Tomsk: Tomskiy oblastnoy antifashistskiy komitet. pp. 53–60.
4. Lyutsidarskaya, A.A. (2005) Pol'skie pereselentsy v sel'skokhozyaystvennom osvoenii Tomskogo uezda [Polish immigrants in the agricultural development of Tomsk Uezd]. In: Bolonev, F.F. (ed.) *Problemy transmissii i bytovaniya etnokul'turnykh traditsiy slavyanskogo naseleniya Sibiri XVIII–XX vv.* [Problems of transmission and existence of ethno-cultural traditions of the Slavic population in Siberia in the 18th–20th centuries]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. pp. 24–32.
5. Chernaya, M.P. (2015) Evropeyskiy komponent v kul'turnom kode vоеvodskoy usad'by Tomska (vtoraya polovina XVII – seredina XVIII vekov) [The European component in the cultural code of the Tomsk voevoda manor (the second half of the 17th–mid 18th centuries)]. In: Mulina, S.A., Krikh, A.A. & Legech, Ya. (eds) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX vekov v glazakh rossiyskoy administratsii, rossiyskikh pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th–early 20th centuries from the perspective of Russian administration, Russian migrants and indigenous peoples of Siberia]. Omsk: KAN. pp. 285–295.
6. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The voivode's estate in Tomsk, 1660–1760-s.: Historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
7. Chernaya, M.P. (2016) The European Component in the Ethnic and Cultural Dialog of Siberian Society: The Archaeological and Historical Context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). pp. 46–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/9
8. Bunak, V.V. & Zolotareva, I.M. (eds) (1973) *Russkie starozhily Sibiri. Istoriko-antropologicheskii ocherk* [Russian old-timers of Siberia. Historical and anthropological essay]. Moscow: Nauka.
9. Okladnov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia from Ancient Times to the Present Day]. Vol. 3. Leningrad: Nauka.
10. Soloveva, E.I. (1981) *Promysly sibirskogo krest'yanstva v poreformenny period* [Crafts of the Siberian peasantry in the post-reform period]. Novosibirsk: Nauka.
11. Wikipediya.org. (n.d.) *Naselenie Tomskoy oblasti* [Population of Tomsk Region]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. (Accessed: 16th july 2018).
12. *Sibirskaya starina: Kraevedcheskiy al'manakh* [Siberian Antiquity: Local History Almanac]. (1997). 12(17).
13. Sergeeva, G.V. (2002) *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda* [Siberia in the history and culture of the Polish people]. Moscow: Ladomir.
14. Goncharova, T.A. (2006) *Istoriya Nizhnego Pritom'ya v kontekste mezhetnicheskoy kommunikatsii (XVII – nachalo XXI v.)* [The history of Lower Pritomie in the context of inter-ethnic communication (the 17th – early 21st centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Kuczyński, A. (2007) *Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny polaków. Rys historyczny, antologia* [Siberia. 400 years of the Polish diaspora. Exiles, martyrdom and civilization success of Poles. Historical outline, anthology]. Kraków: Kubajak.
16. Kuczyński, A. (2015) *Sibir': 400 let pol'skoy diaspory. Ssylki, muchenichestvo i zaslugi polyakov v osvoenii Sibiri. Istoricheskie ocherki* [Siberia: 400 years of the Polish diaspora. Links, martyrdom and services of the Poles in the development of Siberia. Historical essays]. Moscow: MIK.
17. Mulina, S.A., Krikh, A.A. & Legech, Ya. (eds) (2015) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX vekov v glazakh rossiyskoy administratsii, rossiyskikh pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th–early 20th centuries from the perspective of Russian administration, Russian migrants and indigenous peoples of Siberia]. Omsk: KAN.
18. Olszewski, W. (2016) Historical and cultural contexts of Poles' attitudes towards the inhabitants of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). pp. 80–85. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/14
19. Bardina, P.E. (1990) Etnicheskie traditsii russkikh starozhilov i poreformennykh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri [Ethnic traditions of Russian old-timers and post-reform migrants in Western Siberia]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoricheskoy interpretatsii arkheologicheskikh i etnograficheskikh istochnikov Zapadnoy Sibiri* [Problems of historical interpretation of archaeological and ethnographic sources in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 198–200.
20. Bardina, P.E. (1995) *Byt russkikh sibiryakov Tomskogo kraia* [The Life of Russian Siberians in Tomsk Territory]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Bardina, P.E. (1996) Kul'turno-bytovye kontakty russkikh starozhilov i pereselentsev v Zapadnoy Sibiri [Cultural and everyday contacts of Russian old-timers and displaced people in Western Siberia]. *Proc. of the Interregional Meeting on the Development of Culture of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North*. Tomsk, December 14–16, 1994. Tomsk: Tomsk State University. pp. 102–115.
22. Buzanova, V.A. (2000) Zaselение i naselenie Nizhnego Pritom'ya [Settlement and population of the Lower Pritomie]. *Trudy Muzeya g. Severska*. 1. pp. 56–62.
23. Bardina, P.E. (2003) *Materialy etnograficheskikh ekspeditsiy Muzeya g. Severska pod ruk. P.E. Bardino* [Materials of ethnographic expeditions of the Museum of Seversk headed by P.E. Bardina. 1994–2003]. Seversk: Museum of Seversk.